

Существует мнение, что синтаксические значения слову вне конструкции предложения не свойственны, что эти значения присущи лишь словам, занявшим ту или иную позицию в предложении [15, с. 77]. Очевидно, однако, что не всякое слово способно занять любую позицию в любом предложении, и лингвист не может не задаваться вопросом, от чего это зависит. Как становится ясно, возможность занять данную позицию обусловлена соответствующей способностью того или иного разряда слов. Поэтому значения, которые приписываются иногда самим позициям, являются результатом абстракции от множества словоформ определенного категориально-семантического подкласса, встречающихся в данной позиции данной конструкции. Само понятие «синтаксического значения» предстанет в дифференцированном виде: как виртуальная способность слова, словоформы к определенному типу синтаксического функционирования и как актуальная реализация этой способности.

К синтаксической характеристике синтаксем имеет отношение еще один обсуждаемый в последнее время* аспект проблемы. Помимо трех названных уровней абстракции выделяют еще ономазиологическое категориальное значение «предметность — признаковость», место которого по отношению к остальным уровням требует выяснения.

Одна из точек зрения на вопрос заключается в том, что значение «предметность — признаковость» стоит над общеграмматическим, «частеречным» уровнем, задавая распределение частей речи на предметные имена (существительные) и признаковые имена (прилагательные, наречия и глаголы) [16, с. 51, 61—63].

Другой взгляд на вопрос предполагает, что предметные и признаковые имена могут быть разграничены и в пределах класса существительных, на основании категориальной семантики и словообразовательных связей (см. примеры *прыгун, весельчак* [16, с. 170], *белизна, беготня* и т. п.).

Выявление конститутивной единицы синтаксического уровня показывает, что значение предметности или признаковости в одних разрядах слов задается частеречным или категориально-семантическим уровнем, при этом слова признаковые (*холод, дождь, чистота, беготня, сонливость*) в разных синтаксических позициях выступают только с признаковым, а не с предметным значением, чаще всего в качестве предиката в первичной модели (*На дворе холодно, дождит, В комнате чистота*), либо во вторичной, полипредикативной в качестве каузатора (*Холод и дождь наводят тоску, Чистота радует глаз*). В других разрядах, например в подклассе предметных имен, значение предметности или признаковости определяется только на уровне синтаксем, поскольку часть синтаксем от одного и того же слова выступает с предметным значением, часть — с признаковым. Подразделение именных (падежных и предложно-падежных) синтаксем на предметные и признаковые (ср. *олова, пуговицу, пуговицей, плотнику — из олова, с пуговицу, без пуговиц, в плотника* и т. п.) отражает неспособность/способность синтаксемы функционировать в субъектно-объектных позициях, либо в атрибутивно-предикативных.

Таким образом, в соответствии с категориальной семантикой и ситуативной ролью денотата, компонент будущего предложения предстает в одной из морфологических форм, предназначенной для определенной позиции в модели, которая отображает тот или иной тип отношений внеязыковой действительности. Процесс преобразования исходного лексемного материала в синтаксические единицы заключается в приведении в единство трех характеристик этих единиц: категориально-семантической, морфологической и функционально-синтаксической.

Возникает вопрос о взаимном соотношении этих характеристик.

В свое время А. С. Чикобава указал на неправомерность грамматической формулировки, утверждавшей, что имена в русском языке обладают «грамматическими категориями рода, числа и падежей» в силу того, что они обладают значением предметности. «Специалисты как будто едино-